

Вырезка из газеты

ПРАВДА ВОСТОКА

20 МАР 1974

Ташкент

МЫ—ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

НАЧАЛО

Это рассказ о первой узбекской драматической студии в Москве, созданной в двадцатые годы для подготовки национальных театральных кадров. Выпускники этой студии составили впоследствии ядро прославленного ныне театра имени Хамзы.

Это похоже на легкую...

«Васма-чи». Ирин, резкий, как выстрел, обрывает сплетню. Не сдержив парима, не сменяя костюма — прямо с подмостков в бой. В шитом золотом халате, в огромной чалме, схватив винтовку, что всегда наготове, Абрар Хидойтоов выбирает на кишачную улицу. В белую пыль, захлебнувшись ириком, падает женщина. Над ней, замахнувшись, басмач. Увидев человека в одежде знатного бая, он останавливается: «Где здесь ирсыны?». Рыным распахивает Хидойтоов халат — под ним ирсыноярская гимнастерка. «Вот ирсыны, собака!» — иричит он и стреляет в басмача...

А вот документ. Докладная записка от 12 июля 1920 года в Политуправление Туркфронта:

«Сделали 2-дневный поход в Найзаву и Шерихано — центр басмачей, где посетили части 14 полка... 11 июля только благодаря случайности донгавшаяся на отряд шайка басмачей в 300 человек не настигла нас».

«С 21-го по 24-е муструпа была в Ассакке, где поставила 3 спектакля и где в ночь ее приезда сгорело 3 хлопкоочистительных завода, подожженных басмачами, которых раздражает проводимая нами среди населения агитация...».

Отблески этих горных костров еще дрожали в их глазах, когда через несколько лет — всего через несколько лет — они репетировали изысканно лукавую «Принцессу Турандот», а за окном в свете московских фонарей не слышно падал снег...

Государственная драматическая студия в Москве при Узбекском доме просвещения приняла первых учеников из Узбекистана в двадцать четвертом году.

Уже был создан театр, который впоследствии станет гордостью узбекского народа и будет носить имя Хамзы. И на сцене его уже шел «Бай и батрак».

Еще был жив сам Хамза. И организованная им в Фергане труппа ставила его «Ферганские трагедии», герой которых, советский учитель, погибал, замученный басмачами. И другой герой — из пьесы, которую Хамза так и не успел закончить, — с гордостью произносил: «Советский строй настуже отырыл нам двери к просвещению и сказал: «Возьми свои права!».

Те, кого московская студия вводила в настуже открытые двери большого искусства, шли к этому порогу через долгий и жестокий бой — с бесправием, нуждой, басмачами, шариадом, темнотой, предрассудками. И бой тот победный был еще не окончен — не допишет пьесы Хамза, не доиграет Турсуовой...

Турсуовой Саидазимова и Сара Ишантураева, Маннон Уйгур и Абрар Хидойтоов, Ходжи-Ситдик Исламов и Ятым Бабаджанов, Музаффар Мухамедов и Сагди Табибуллаев... Имена первых студийцев — их было двадцать четыре — сегодня крупно вписаны в историю узбекского советского театра. Их называют основоположниками, о них пишут ученые труды, их творчество изучают в студенческих аудиториях.

Тогда — они сами были студентами. Старательно и влюбленно постигали азы театрального дела. Принесли на подмостки непосредственность первооткрывателей и зрелую глубину постижения жизни. За хрупкими плечами даже самой юной из них уже стояло пережитое.

Ей было всего пятнадцать, когда она сыграла Анну Андреевну, «принципиальную нотку», еще не совсем пожилых лет» — в студии репетировали «Ревизора».

Ей было четырнадцать, когда, отбросив страх, презрев предрассудки, преодолев расхождения, пришла она в Москву — в очень юную, юнцую в студии было мало, эта мешало репетициям, но увидев перед собой круглолицего чернососого подростка, педагоги растерялись...

Ей было двенадцать, когда она сыграла первую роль. Пыска шла в клубе после деклада, призывающего женщин сбросить паранджу, и называлась она «Сирота». Женщины в зале плакали над судьбой героини, и планала настоящими слезами юная актриса, воспитанница трудовой школы-интерната, переживавшая заново свое горькое детство — родители ее были так бедны, что матери пришлось раздать детей по чужим людям...

Актрисы звали Сарой Ишантураевой.

Впереди у нее были Офелия и Ионата, Лауренсия и Любовь Ярослав, Динамия и Катерина, Гули и Хуррият. Впереди у нее были творчество, слава, звание народной артистки страны.

Через несколько десятилетий Сара Ишантураева напишет в «Правде Востока»: «Кто мой лучший русский друг? Их много. Очень. Но особенно я благодарна народному артисту Советского Союза Рубену Симонову, одному из моих лучших учителей-вахт а ш о в ц е в».

А ее соратник по театру, актер и режиссер Ш. Каюмов скажет, обращаясь к другим педагогам студии: «Благодаря вашей помощи мы стали профессиональными актерами. Мы приехали к вам, не имея даже представления, что такое актерское мастерство... Те знания, которые мы получили у вас, мы всегда стремились передать нашим товарищам по театру, новому поколению. И лучшая наша награда — любовь зрителей».

В Узбекской государственной драматической студии преподавали Р. Симо-

нов, И. Толчанов, О. Басов, В. Канцель, Л. Свердлов.

Большинство педагогов были вахтанговцами, и не случайно впоследствии в приветствии театра им. Вахтангова по случаю юбилея театра имени Хамзы прозвучали слова: «Коллектив... счастлив сознанием, что он в лице ряда своих режиссеров и педагогов участвовал в великом деле создания национального узбекского театра».

Поначалу нелегко приходилось и учителям, и ученикам. На занятиях сидели рядом — такие разные по возрасту, опыту, знаниям — Маннон Уйгур — основатель театра в Ташкенте, актер, драматург, режиссер, Абрар Хидойтоов, у которого уже тогда называли «величайшим артистом». Замира Хидойтоова, пришедшая из самостоятельности... Многим студийцам еще слышался треск выстрелов за тонкими стенками вагонов агитпоезда, с которым колесили они по дорогам Туркфронта, а им уже надо было применять пудренные парики ильевских героев. Они почти не знали русского языка, а с ними уже начинали говорить Гоголь и Шекспир.

Уроки русского языка и репетиции, беседы об искусстве и репетиции, спектакли с Качаловым или Яблочковым — в снова репетиции... Они учились мастерству. Но в чем — мастерство? Выразительность слова и точность жеста? Глубина проникновения в образ? Широта кругозора? Преданность делу? Осознание ответственности перед собой и народом? Все это и еще многое, многое другое...

Студийцы постигали основы системы Станиславского, осваивали опыт великих представителей русского театра — и учились высокому и трудному служению искусству.

Уже в двадцать шестом году «Правда Востока» писала о спектакле «Ревизор», показанном студийцами в родном Узбекистане:

«Было неминуемо тревожное ожидание начала спектакля. «Ревизор» должен был предстать перед зрителем — узбеком впервые переведенный на узбекский язык. Какое представление имеет этот зритель об эпохе Гоголя? Как поймет он комедию? И, наконец, как сыграют «Ревизора» узбеки... С первого же выхода, с первого слова стало ясно, что «Ревизор» идет в исполнении очень способных актеров. Перед зрителем был не любительский, а настоящий профессиональный театр, такого в Узбекистане до сих пор не было. Актеры уверенно развешивали перед зрителем сцену за сценой. И зритель был захвачен... Это был огромный успех молодого узбекского театра у своего зрителя... Постановка «Ревизора»... — событие большого исторического значения. Это первый шаг молодого узбекского театра в сокращении мировой драматической литературы, это первый шаг и культура начинающего сознавать свои силы и магию разрушения и свету узбекского народа... Это был первый шаг...»

Ирина ШОФМАН.